

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Захарова, Е.О. Нерегламентированная пунктуация как признак рекламного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. О. Захарова. – Томск, 2010. – 24 с.
2. Азарова, Н.Д. Лингвопоэтические, семиотические и коммуникативные основы английской пунктуации (на материале современной англоязычной художественной прозы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. Д. Азарова. – М., 2001. – 209 л.
3. Майзенгер, Н.В. Позиционно-содержательная и прагматическая значимость знаков препинания в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.В. Майзенгер. – Барнаул, 2004. – 19 с.
4. Доўнар, В. А. Каб сказаць... І пачулі : мініяцюры / Валянціна Доўнар. – Мінск : Харвест, 2012. – 448 с.
5. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика: учебное пособие / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
6. Шварцкопф, Б.С. Знаки препинания / Б. С. Шварцкопф // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Каулов. – 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.
7. Скажы, што кахаю... : аповесці, апавяданні / уклад. Віктар Шніп. – Мінск : Маст. літ., 2018. – 454 с.
8. Бабкоў, І.М. Адам Клакоцкі і ягоныя цені. Рман у дзесяці гісторыях. 2-е выд. / Ігар Бабкоў. – Мінск : І. П. Логвінаў, 2012. – 136 с.

ФУНКЦИИ МЕТАФОР В РОМАНЕ И. МЕЛЕЖА «ЛЮДИ НА БОЛОТЕ»

Л.В. Прохоренко

доцент кафедры белорусской и русской филологии УО МГПУ им. И.П. Шамякина,
кандидат филологических наук, доцент
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

М.Н. Шевченко

доцент кафедры белорусской и русской филологии УО МГПУ им. И.П. Шамякина,
кандидат филологических наук, доцент
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

В соцветии выдающихся белорусских писателей XX века Иван Павлович Мележ занимает особое место. Автор внимательно и творчески относится к языку. Многое написанное им почти сразу становилось классикой и нашло широкое признание в мире. И. Мележ – мастер художественного слова, художественного дара. Роман «Люди на болоте» написан не только опытной, умелой рукой, но и, по выражению Янки Брыля, «чутким, умным сердцем».

Лексика, наполненная метафорами, используется в свободной беседе, вводится в язык персонажей, создавая художественные образы, чёткие языковые характеристики и т. д. Прекрасные примеры использования лексических средств родного языка свидетельствуют о богатстве языка, об умении красочно и художественно тонко раскрывать лирические образы. Яркость метафорического текста является важным условием создания высокого уровня произведения и способствует более точному пониманию читателями авторской интенции.

Преобладающим типом метафоры в романе являются глагольные («сушила смага» [1, с. 54], «шумяць, шапочуць груши» [1, с. 41], «плялі лішняе» [1, с. 46], «млела

дрыгва» [1, с. 46], «упаўзлі поцемкі» [1, с. 72], «гнала думку» [1, с. 74], «заныў неспакой» [1, с. 127], «акрылены радаснай пераменай» [1, с. 124], «заныў неспакой» [1, с. 127], «перамагло жаданне» [1, с. 128], «забівала сваёй гаворкай» [1, с. 142], «урасла ў людскія душы падазрозвясць – не за дзень і не за год выкараніш» [1, с. 152] и др.) и адъективные («ваўкаватая настярожсанасць» [1, с. 68], «упартыя надзеі» [1, с. 68], «няшчырыя пагрозы» [1, с. 78], «нязлосныя дакоры» [1, с. 78], «цымнае, сумнае свято» [1, с. 86], «нізкія кужэльныя хмары» [1, с. 122], «крылатая лёгкасць» [1, с. 124], «гарачая рэўнасць» [1, с. 126], «ціхі, мяккі снег» [1, с. 140], «вострыя позіркі» [1, с. 142], «гарачы позірк» [1, с. 145], «ядавіта-зялёнае хараство раскі» [1, с. 153], «баязлівая надзея» [1, с. 157], «пякучая маўклівасць» [1, с. 157] и др.), так как автор посчитал нужным обеспечить «жизнеспособность» многим предметам и явлениям, а адъективные метафоры не только позволяют автору описать многие явления действительности, выразить свои мысли и идеи, но и помогают вызвать неожиданные ассоциации, оживить описание и создать глубокий эффект на читателя. Субстантивные метафоры встречаются реже: «шэнт груши» [1, с. 38], «гоман згоды» [1, с. 151], «полк мошак» [1, с. 137], «улада хараства» [1, с. 125], «бура няnavісці» [1, с. 126], «водбліск залата ў касе» [1, с. 89] и др.

В романе метафоры выполняют самые разные функции. Так, автор использует метафоры для создания нового именования объекта. Номинативная функция метафоры столь естественна, столь характерна для самой метафоры, так отвечает её природе, что в условиях метафорической номинации образность сохраняется труднее всего. Новая номинация в художественном произведении усиливает выразительность образа и создает эмоциональный фон, оказывающий впечатление на читателя. В этом заключается номинативная, или функция фиксации значения: «Летній парой асцярожныя, можна сказаць, памяркоўныя ў іншыя гады, клыкастыя дратежнікі ў гэтае лета, здавалася, вачэй не зводзілі з сяла, з выганаў...» [1, с. 44]; «гумны панурыя, непрыветныя» [1, с. 52]; «злыя языki» [1, с. 82]; «упартыя надзеі» [1, с. 68]; «цымнае, сумнае свято» [1, с. 86]; «халаднаватая шэртань» [1, с. 90]; «ціхі, мяккі снег» [1, с. 140]; «нізкія, кужэльныя хмары» [1, с. 122]; «хмурнае неба» [1, с. 93]; «ядавіта-зялёнае хараство раскі» [1, с. 153]; «пякучая маўклівасць» [1, с. 157]; «гарачы позірк» [1, с. 145]; «ціхія, цёплыя затокі» [1, с. 45]; «гіблая дарога» [1, с. 71] и другие. В этих случаях образные средства выступают способом создания названий для новых, но неназванных реалий.

Метафора в романе «Люди на болоте» воздействует на воображение читателя (функция воздействия): «душа адгукнулася радасцю» [1, с. 128]; «душа заходзіцца» [1, с. 134]; «смех пранізаў сэрца» [1, с. 126]; «свято рассунула цемру» [1, с. 106]; «думкі круціліся» [1, с. 106]; «камень ціснуў сэрца» [1, с. 106]; «сон не ішоў» [1, с. 108]; «думка свяціла» [1, с. 110]; «стома абцяжарвала рукі», «думку змяніла развага» [1, с. 89]; «усмешка згасла» [1, с. 97]; «здарэнне разраслося» [1, с. 61]; «сон зляцеў» [1, с. 57]; «узяла нецярплівасць» [1, с. 47]; «пайшлі галасы па хаце» [1, с. 145]; «па хаце пайшоў гоман» [1, с. 151]; «куламіўся голас» [1, с. 152]; «урасла ў людскія душы падазрозвясць – не за дзень і не за год выкараніш» [1, с. 152]; «поўніць цела дужая гарачыня» [1, с. 159]; «заныў неспакой» [1, с. 127]; «перамагло жаданне» [1, с. 128]; «прыйшла загадка, якая потым жыла» [1, с. 122]; «панавала цішыня і чысціня» [1, с. 125]; «падступіла да грудзей гаркота» [1, с. 70]; «ішлі здагадкі» [1, с. 61]; «прывядзе бяду» [1, с. 57]; «чысціня весялілася, як бы сама абяцала радасць» [1, с. 127]; «цишыня, што дрэмле над Куранямі» [1, с. 40]; «сэрца трымціць ад страху» [1, с. 43]; «шум закіпей» [1, с. 146]; «позірк напаткаўся на іншую посташь» [1, с. 146]; «думкі варушыліся неахвотна» [1, с. 54]; «бяды прыйшла» [1, с. 54]; «думкі не давалі пакою» [1, с. 53]; «смеласць выветрылася» [1, с. 52]; «словы заселі ў горле» [1, с. 55]; «апаліла сябе папрокам» [1, с. 57]; «трывога высушила слёзы» [1, с. 58]; «спагада і пячота выветрыліся» [1, с. 60]; «чутка абрастала

фантазіяй» [1, с. 61]; «*душиачыся слязымі*» [1, с. 70]; «*упаўзлі поцемкі*» [1, с. 72]; «*грудзі яе апалиў боль*» [1, с. 83]; «*камень ціснуў сэрца*» [1, с. 106]; «*забруілася, затрапятала надзея*» [1, с. 121] и другие. В подобных случаях метафора облегчает, делает более ясной и доступной для получателя информацию.

Метафорические средства, используемые автором, формируют образное представление о мире. Инструментальная функция метафоры заключается в том, чтобы помочь субъекту мыслить и формировать свой собственный взгляд на мир. Благодаря этой функции метафора позволяет представить себе нечто, что ещё не было полностью реализовано, чтобы создать некоторые предположения о природе характерного объекта метафоры: «*камарэча кіпела хмарамі*» [1, с. 43]; «*пабітых ніткамі сівізны валасах*» [1, с. 72]; «*хата маўкліва чарнела ў змроку*» [1, с. 74]; «*твар, абсыпаны рабацінкамі*» [1, с. 80]; «*водбліск золата ў касе*» [1, с. 89]; «*лёг поцемак*» [1, с. 106]; «*ішла важская, поўная матчыгага смутку цішыня*» [1, с. 110]; «*бадзёрая чысціня радаснага ранінняга марозцу*» [1, с. 112]; «*бура нянавісці*» [1, с. 126]; «*лямпа ціха спела і хліпала*» [1, с. 141] и другие. В данном случае метафора определяет направление развития мысли и служит определенным инструментом мышления.

Зачастую лексические средства изобразительности делают образ более ярким и наглядным. Изобразительная функция метафоры заключается в придании используемому образу выразительности и эстетического смысла: «*чорны дзень*» [1, с. 45]; «*ясная думка*» [1, с. 43]; «*рэдкая адвага*» [1, с. 62]; «*халодные вочы*» [1, с. 62]; «*чыстае сумленне*» [1, с. 63]; «*важскі позірк*» [1, с. 65]; «*упартыя надзеі*» [1, с. 68]; «*злыя языki*» [1, с. 75]; «*цым'янае, сумнае свято*» [1, с. 86]; «*цішыня, важская черная*» [1, с. 87]; «*халаднаватая шэрань*» [1, с. 90]; «*востры позірк тхарыных вачэй*» [1, с. 90]; «*циярплявае, тупое, салодкае жсаданне*» [1, с. 96] и другие. В подобных примерах метафора помогает передать информацию, которую автор по той или иной причине не считает целесообразным обозначать напрямую, посредством прямых номинаций.

Метафорические образы представляют индивидуально-авторскую модель мира (моделирующая): «*зорамі вышытае неба*» [1, с. 33]; «*шумяць, шапочуць грушы*» [1, с. 41]; «*ціхія, цёплыя затокі*» [1, с. 45]; «*млела дрыгва*» [1, с. 46]; «*маўклівыя, абыякавыя гумны*» [1, с. 53]; «*мокрыя, голыя агароды*» [1, с. 59]; «*горыч неперажытай крыўды*» [1, с. 75]; «*страшная, ліккая грязь*» [1, с. 87]; «*крылатая лёгкасць*» [1, с. 124]; «*баязлівая надзея*» [1, с. 157]; «*пякучая маўклівасць*» [1, с. 157]; «*ліслівая, нахабная ўпэўненасць*» [1, с. 161] и другие. С помощью системы взаимосвязанных метафор И. Мележ создаёт некую модель реальности системы понятий, относящихся к совершенно другой концептуальной области.

Кроме того, употребление метафор помогает осознать, создать предположение о сущности объекта: «*лянівы, але звонкі ляск пугі*» [1, с. 16]; «*думка гэтая адазвалася смяротным сумам*» [1, с. 55]; «*падступіла да грудзей гаркота*» [1, с. 70]; «*лес гудзе, скуголіць, як на хаўтуры*» [1, с. 77]; «*выбухне злоснай лаянкай*» [1, с. 81]; «*выраз сталасці*» [1, с. 112]; «*адкрыць закрытае на моцны замок сэрца*» [1, с. 114]; «*чысціня весяліла, як бы абяцала радасць*» [1, с. 127] и другие. В романе метафоры позволяют представить себе нечто ещё не до конца понятное, создать определенное предположение о сущности метафорически охарактеризованного объекта.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что к числу основных функций метафоры в романе «Люди на болоте», на наш взгляд, относятся номинативная, функция воздействия, инструментальная, изобразительная, моделирующая, гипотетическая функции, каждая из которых может иметь те или иные разновидности (варианты).

Список использованных источников

1. Мележ, І. Людзі на балоце: раман з “Палескай хронікі” / Іван Мележ. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1999. – 399 с.

МОЎНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ПЕРАКЛАДУ МЕТАФАР АПОВЕСЦІ УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА «ДЗІКАЕ ПАЛЯВАННЕ КАРАЛЯ СТАХА» НА АГЛІЙСКУЮ І РУСКУЮ МОВЫ

М.М. Шаўчэнка

дацэнт кафедры беларускай і рускай філалогіі УА МДПУ імя І.П. Шамякіна,
кандыдат філалагічных навук, дацэнт
(г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь)

Л.В. Прахарэнка

дацэнт кафедры беларускай і рускай філалогіі УА МДПУ імя І.П. Шамякіна,
кандыдат філалагічных навук, дацэнт
(г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь)

Творчасць стваральніка беларускага гістарычнага рамана Уладзіміра Караткевіча звяртае на сябе ўвагу і цікавіць заўсёды не толькі беларускіх, але і замежных чытачоў, застаецца актуальнай як для даследчыкаў літаратуры, так і для лінгвістаў, якія даследуюць мастацкі тэкст на розных моўных узроўнях, у тым ліку і перакладу. Наша даследаванне базіруеца на выяўленні і супастаўленні міжмоўных трансфармацыйных прыёмаў перакладу мастацкага тэксту аповесці «Дзікае паляванне караля Стаха» Уладзіміра Караткевіча на англійскую мову (Марыі Мінц) і рускую (Валянціны Шчадрыной).

Пры прачытанні аповесці нельга не засяродзіць увагу на адметнай, каларытнай, нацыянальна-выразнай мове, яе непаўторных моўных сродках выразнасці, у прыватнасці на метафары, без якіх не можа быць створаны мастацкі твор. Пасродкам іх у творы выяўляюцца ў значнай меры эстэтычная, эмацыйная і культуралагічная функцыі мастацкага тэксту. Напрыклад, пры вобразнай характарыстыцы персанажаў У. Караткевіч выкарыстоўвае шмат метафар, у структуру якіх уваходзіць апелятыў *вочы*, але не ўсе гэтыя метафары раўназначна былі перакладзены Марыяй Мінц і Валянцінай Шчадрынай на англійскую і рускую мовы. Аўтар-перакладчык М. Мінц даволі шырока выкарыстоўвае прыём кампрэсіі тэксту, або падбірае эквівалентныя лексічныя адзінкі, напрыклад: *маленькія шэрыя вочки смяяліся* [1, с. 57] – *his grey eyes were very small* [2]. Метафара *вочки смяяліся* ў перакладзе на англійскую мову адсутнічае, што значна збядняе знешнjeе апісанне вобраза, а ў рускім варыянце *маленькие серые глазки смеялись* [3] гэтая метафара перакладзена даслоўна *глазки смеялись*;

вочы мае палезлі на лоб [1, с. 87] – *my eyes nearly popped out of my head* [2] – *глаза мои полезли на лоб* [3] Метафара *вочы палезлі на лоб* у рускім варыянце перакладзена пры дапамозе эквівалентнай лексікі, а ў перакладзе на англійскую мову семантычнае значэнне метафары часткова згублена;

вялізныя, усё да дна разумеючыя ў *тваёй душы вочы пасунуліся за мною і зноў глядзелі мне ў твар* [1, с. 61] – *the large eyes that seemed to read the very depths of my soul turned and again looked me in the face* [2] – *большие, до дна читающие в твоей душе глаза повернулись и снова смотрели мне в лицо* [3]. Метафара *вочы пасунуліся* была